

Глубокой ночью они сидели друг напротив друга, созерцая лица в бронзовых зеркалах. Одно отражение дрожало в теплом сиянии свечи, другое — заливал ровный свет настольной лампы.

Чи Ин, уже покончивший с домашней работой, лениво крутил в пальцах ручку.

— Ну вот и все, — со вздохом произнес он. — С торговлей покончено. Придется как-то перебиваться на те крохи, что остались на карте. Ладно, в свободное время попробую взять пару заказов на сочинения.

Шэнь Ван в это время разгребал завалы докладов, накопившихся за последние дни. Наткнувшись на прошение о подготовке к грядущим государственным экзаменам, он невольно вспомнил «восьмичленные сочинения», о которых читал в учебниках истории Чи Ина.

— И правда, — пробормотал император себе под нос, — задания должны будоражить ум. Заставлять людей зубрить мертвые тексты — сомнительная польза.

— Ты меня вообще слушаешь? — прищурился Чи Ин.

Шэнь Ван захлопнул очередную папку.

— А? Что ты сказал?

Чи Ин глубоко вздохнул и ядовито улыбнулся:

— Да ничего. Просто думаю, можно ли в твоём императорском дворце подработать сбором макулатуры и стеклотары.

И немудрено: устроив днем то грандиозное побоище у всех на виду, Шэнь Ван фактически раструбил на всю округу о своем возвращении. Разве что вывеску не повесил: «Смотрите, император торгует на улице фастфудом и бьет морды!». Кто теперь рискнет подойти к его лотку за порцией жареной лапши? В чем-в чем, а в умении лишать людей честного заработка Его Величеству не было равных. Чи Ин наконец-то сполна прочувствовал, что за птицей был великий и грозный император Сюаньяо — высокомерный, непредсказуемый и абсолютно неуправляемый самодур.

Чи Ин медленно выдохнул, гася раздражение.

— Ладно, если поумерить аппетиты, заработанного в прошлый раз хватит недели на четыре. Но тебе, Ваше Величество, все равно придется поднапрячься. Выучи наконец стандартную раскладку клавиатуры, чтобы нормально общаться в чатах. Будешь принимать заказы на домашку, перенаправлять мне, я все решу, а тебе останется только переписать от руки.

Шэнь Ван пододвинул к себе новую стопку бумаг:

— Некогда мне сейчас. Сперва нужно разобраться с экзаменационными темами.

— Да тут и думать нечего, — отозвался Чи Ин, вспомнив собственные мучения с тестами. — Отменяй зубрежку. Дай им тему вроде «Предложения по преодолению нынешнего кризиса в стране» — и то больше толку будет, чем от бездумного заучивания трактатов наизусть. Нам по литературе вечно навязывали готовые шаблоны для анализа текстов. Терпеть этого не мог: шаг влево, шаг вправо — ошибка. Словно вся суть в том, чтобы втиснуть свои мысли в жесткие рамки чужих стандартов.

— Системе кэкё уже не один век, — задумчиво протянул император. — С кондачка такие реформы не делаются. Придется завтра на утреннем приеме разыграть комедию — якобы я с ними советуюсь.

Чи Ин уцепился за фразу:

— Разыграть комедию?

— Ну да, — хмыкнул Шэнь Ван. — Даже если эта банда зануд завопит «не дозволим!», я все равно сделаю по-своему. Какой смысл спорить?

— А знаешь что? Давай-ка ты эти вопросы и придумашь, — Шэнь Ван сладко потянулся, откинувшись на высокую спинку резного кресла. — Я в этих тонкостях не силен. У тебя за плечами тонны сданных тестов, тебе и карты в руки.

Чи Ин недоуменно вскинул брови:

— И что мне им предложить? Доказать геометрическую теорему или заставить писать сочинение по английскому от лица Ли Хуа?

— Зачем английский? Словесность! Она лучше всего выявляет широту ума и умение рассуждать. В особенности эссе. До финальных дворцовых испытаний еще полно времени, но я хочу устроить чиновникам пробный прогон. Пусть наши мудрецы попотеют над твоими задачками. Заодно отсею тех бездельников, что даром проедают казенный рис.

Чи Ин как раз перелистывал тетрадь со своими старыми ошибками по литературе, разглядывая безжалостные красные галочки учителей. На его лице отразилось коварное предвкушение.

— Ты уверен? Боюсь, твои министры после такого впадут в глубочайшую депрессию и запрутсЯ в четырех стенах.

— Да плевать, — рассмеялся император. — Главное, чтобы не я.

— Договорились. Письменность у нас практически одинаковая, язык поймут. Возьму какое-нибудь классическое произведение из нашей школьной программы. Слушай внимательно, сейчас объясню, как строятся такие задания.

Спустя сутки во дворце Сюанью закипела суматоха. Император, словно повинувшись внезапному капризу, велел спешно созвать всех гражданских чиновников в тронную залу.

Нынешний правитель славился непредсказуемым нравом. Обычно его и на обязательных утренних аудиенциях едва терпели, а уж внеурочный призыв и вовсе напугал придворных до полусмерти. Чиновники, предчувствуя государственную катастрофу, неслись во дворец сломя голову. Однако, ворвавшись в залу, они застыли в недоумении: просторное помещение было уставлено ровными рядами низких столиков, на каждом из которых аккуратно разложили бумагу, кисти, тушь и ступки.

Шэнь Ван восседал на драконьем троне с каменным, суровым лицом — вылитый строгий директор крупной корпорации, готовый устроить подчиненным жестокий нагоняй. Придворные испуганно переглядывались. Какая же беда стряслась, раз Его Величество лично снизошел до работы во внеурочный час?

— Приветствуем Ваше Величество! — нестройным хором выдохнули прибывшие, склоняясь в глубоком поклоне.

— Вольно, — Шэнь Ван спрятал зеркало за спину и выпрямился. — Я призвал вас не по какому-то экстренному поводу. Просто решил в корне изменить структуру имперских экзаменов. Полагаю, мои верные слуги, готовые сложить головы за престол, не станут возражать. Что скажете, господа?

По правую руку от императора безмолвной статуей застыл Сюань Хэ. Рука командира гвардии демонстративно покоилась на рукояти меча, а из ножен на пару пальцев выглядело лезвие, хищно сверкавшее синеватой сталью.

Те из советников, кто уже набрал в грудь воздуха, чтобы разразиться протестами об осквернении вековых устоев, мгновенно поперхнулись.

Этот вопрос государственной важности вообще предполагал обсуждение или император просто ставил их перед фактом под угрозой немедленной казни?

Не дав приунывшим министрам опомниться, Шэнь Ван добил их следующей фразой:

— Чтобы избежать накладок при настоящем испытании, любезные мои подданные сначала сами пройдут эту проверку. Напишите тест. Если все справятся, утвердим эти стандарты для будущих поколений.

Придворные онемели. Кому могло прийти в голову, что их заставят на старости лет бесплатно пересдавать экзамены?

— Да, чуть не забыл, — небрежно бросил правитель. — Вопросы я составлял лично.

Тут уж не выдержал министр ритуалов, отвечавший за проведение отборов:

— Ваше Величество! До столичных испытаний еще вагон времени. К чему спешить?

Шэнь Ван лениво поднял на него взор:

— А кто сказал, что это только для столицы? Отныне и уездные, и провинциальные туры будут проходить по этой схеме.

Зала погрузилась в гробовое молчание. Всем было прекрасно известно, что сам Сюаньбао за всю жизнь и пары классов школы не окончил. Это что, изощренное издевательство?

Но спорить с самодержцем — себе дороже. Старики покорно расселись по местам, дрожащими пальцами обмакнули кисти в тушь и уставились в выданные листы.

Чи Ин, наблюдавший за этой картиной через бронзовое зеркало, подпер щеку рукой. На его бесстрастном лице скользнула тень мстительного удовлетворения. Сколько бессонных ночей он провел, заучивая заумные вирши древних поэтов! Сколько слез пролил над непостижимым синтаксисом древнекитайского! И вот судьба преподнесла ему царский подарок — возможность заставить самих древних страдать над современными школьными тестами. Чи Ин воплотил в жизнь сокровенную мечту миллионов школьников по всему миру.

А чиновники действительно страдали. На их лбах выступил холодный пот.

— Ли... Ли Бай? Кто это вообще такой?

— «Трудности путей в царство Шу»? Что за нелепица?

— «Какая строка лучше всего передает тоску странника по дому и подчеркивает зловещую пустоту диких скал?» Да откуда нам знать?!

— «Вверху — выси, где шесть драконов вспять поворачивают солнце; внизу — бурные потоки,

ревущие в теснинах скал... Какой художественный прием использован автором?» — беззвучно шевелил губами один из почтенных старцев. — Что это за чертовщина?!

Вся эта элита в свое время пробилась наверх исключительно за счет зубрежки канонов. Столкнувшись лицом к лицу с суровым текстуальным анализом, почтенные мудрецы почувствовали себя двоечниками, которых занесло на всероссийскую олимпиаду. Их хваленая эрудиция рассыпалась в прах.

Но худшее ждало впереди. Безжалостный Чи Ин включил в экзамен обязательное сочинение.

Пока несчастные мужи, хватаясь за головы, строчили ответы в звенящей тишине залы, Шэнь Ван от скуки принялся изучать условия творческого задания.

«Тема эссе: "Мой Государь". Изложите свое отношение, обоснуйте позицию, выберите неизбитый ракурс и раскройте тему. Объем — не менее восьмисот иероглифов. Использование готовых клише и плагиат строго запрещены».

Император невольно приподнял бровь. Ну и задачка.

Результаты теста оказались сокрушительными. Мудрецы, еще вчера мнившие себя наместниками бога литературы на земле, выползали из-за столов бледные, словно призраки.

— Не перегнул палку? — шепотом поинтересовался Шэнь Ван, глядя на это унылое зрелище.

Чи Ин, снова вернувшийся к заполнению чужих тетрадей, даже ухом не повел:

— Нормальные вопросы. Элементарная база.

— Тогда почему они выдали этот бред? А сочинения... — Шэнь Ван поморщился, пробегая глазами один из сданных листов. — Вот послушай, что тут ваяют: "Мой великий император — истинный светоч нашей эпохи, его лик прекрасен, а благородство сравнимо с чистейшей яшмой..."

Чи Ин поперхнулся чаем и едва не опрокинул чашку на тетрадь.

Он прильнул к зеркалу, силясь разобрать витиеватый почерк через стекло. Сомнений не было: придворные лизоблюды не подвели. Они умудрились накатать ровно восемьсот иероглифов чистейшей, концентрированной лести. Чтобы набрать нужный объем, эти прохвосты выгребли из памяти все существующие в языке синонимы к словам «великолепный» и «мудрый».

Остальные работы ушли недалеко: те же штампы, те же избитые метафоры, только в профиль. Полная неспособность мыслить самостоятельно.

— Послушай, — задумчиво спросил Чи Ин. — А по какому расписанию вообще учатся в ваших академиях?

Шэнь Ван ненадолго задумался:

— Занятия начинаются в час Дракона. В полдень ученики прерываются на четырехчасовой отдых, после чего занимаются еще часа два.

— Да у вас там не учеба, а курорт, — фыркнул Чи Ин. — Слишком все расслабленно. Слышал когда-нибудь про Первую среднюю школу Хэнхо?

— М-м, знакомое название, — припомнил император. — Кажется, у вас в классе об этом шептались. Это то заведение, которое стабильно берет первое место по стране на Едином государственном экзамене?

— Оно самое.

Чи Ин нашел на телефоне видеоролик про будни этой школы и развернул экран к зеркалу. Из динамика тут же раздался пронзительный свист физрука, сменившийся громоподобным, отрепетированным ревом сотен глоток, марширующих в едином безумном ритме.

У Его Величества округлились глаза.

— Святые угодники... — прошептал Шэнь Ван. — Я в военном лагере так не вкалывал, как эти дети.

— Вот тебе готовая модель для подражания, — усмехнулся Чи Ин. — Я, конечно, думал о том, чтобы внедрить нечто подобное в ваших краях, но без должной подготовки это убьет неокрепшие умы. Скопировать чужой жесткий устав без понимания сути — верный способ все развалить.

— Тогда давай начнем с расписания обычной школы? — предложил Шэнь Ван.

— Почему бы и нет, — Чи Ин взял чистый лист и набросал черновик. — Загибай пальцы: подъем в шесть утра. Завтрак, затем обязательная получасовая пробежка. В семь тридцать — утреннее чтение. Ровно в восемь — первый урок. В полдень — перерыв на два часа, затем учеба продолжается до шести вечера. Для тех, кто живет при академии, с семи до половины десятого вечера вводится вечерняя самоподготовка. Один урок длится сорок пять минут, перемена — десять минут. Каждую неделю — проверочная работа по теме, каждый месяц — общий срез знаний, каждые два месяца — промежуточный зачет, а в конце полугодия — итоговые испытания. Результаты каждого экзамена вывешиваются на всеобщее обозрение в виде рейтинга успеваемости. Ах да, чуть не забыл: ежедневные домашние задания обязательны для всех без исключения.

Император, привыкший мирно дремать на утренних докладах, потрясенно молчал. На фоне этого кошмара его собственная жизнь казалась верхом безделья.

— Сурово... Но попробовать стоит. Одно смущает: вечерние занятия... Представляешь, сколько свечей на это уйдет? Казна разорится!

Чи Ин мгновенно переменился в лице и, подражая гнусавому голосу их плешивого заведующего учебной частью, наставительно произнес:

— Деньги — тлен, Ваше Величество. Нет ничего важнее, чем создание комфортной образовательной среды для подрастающего поколения!

Шэнь Ван только беззвучно приоткрыл рот.

В ту осень новоиспеченный юный император Государства Ху одним росчерком пера перекроил вековые традиции образования. Ссылаясь на «недопустимую распущенность» в местных учебных заведениях, правитель железной рукой утвердил строгие академические часы и единое расписание. При этом, проявив невиданное великодушие, он повелел ощутимо поднять жалованье преподавателям на местах за счет казны.

Одновременно с этим в жизнь молодых книжников ворвалось невиданное доселе чудовище — домашнее задание. Само это словосочетание вызывало у будущих чиновников священный трепет и тихую панику. Слава об ужасающей жестокости императора Сюаньяо отныне гремела не только среди седовласых министров — она намертво въелась в подкорку каждого школяра в государстве.

А еще через несколько дней истинный виновник этих детских слез — Чи Ин — спокойно шагнул за порог аудитории Одиннадцатой средней школы Цзяньяна, держа под мышкой пенал с двумя ручками. Начинались полугодовые экзамены.

<http://bllate.org/book/19001/1934083>